

Ян-Улоф Экхольм

СЛЕДУЮЩАЯ
ОСТАНОВКА —
СМЕРТЬ

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Э44

Jan-Olof Ekholm
SISTA RESAN — MORD!

© Jan-Olof Ekholm 1968

Экхольм, Ян-Улоф.

Э44 Следующая остановка — смерть / Ян-Улоф Экхольм ; [перевод с шведского Ю. В. Колесовой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Швеция).

ISBN 978-5-04-198245-4

В маленьком шведском городке живет Йоран Сандаль. Когда-то он работал в крупном издательстве в Стокгольме, но однажды в погоне за сенсацией допустил роковую ошибку. Спасаясь от позора, Йоран уехал в провинцию и устроился в местную газетенку, где самая большая новость — репортаж со сбора свеклы.

Однако, когда единственная таксистка города, Инга-Бритт Экман, найдена застреленной из пистолета, он хватается за шанс обелить свое профессиональное имя. Расследование приводит к мужу убитой — бывшему боксеру и полицейскому Альфу Экману. Но скоро Экмана находят убитым, а Йоран получает угрозы... напечатанные на машинке из кабинета его лучшего друга и коллеги, Бенгта Хокансона, чье сердце было жестоко разбито Ингой-Бритт...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198245-4

Только не говорите мне, что журналист — это профессия мечты!

В тот тоскливый воскресный вечер мы в газете отнюдь не предавались мечтам. Мы полуспали-полубодрствовали в том помещении, которое редактор Давид Линд в припадке гигантомании окрестил «центральной редакцией».

Сам я восседал на красном конструктивистском стуле 30-х годов, который во время всех летних ярмарок являлся частью мебелировки стенда нашей газеты под гордым девизом «СВОБОДА — СВОБОДОЛЮБИЕ — СВОБОДОМЫСЛИЕ!».

Прямо передо мной висел увеличенный фрагмент карты генерального штаба, показывающей территорию охвата нашей газеты. Позади меня, немного набекрень, висела карта мира — куда меньшего формата.

В ней по-прежнему торчали булавки, отражающие положение на фронтах Второй мировой войны: синие головки для армий союзников и красные для армий стран «оси». Они являли собой последнее воспоминание о главном редакторе как об активно действующем газетчике. Тогда Линд

еще именовал себя репортером-международником и производил на свет заголовки в стиле «Дания нападает на Германию», но перестал передвигать булавки задолго до того, как его фавориты отступили. Еще до окончательного краха переехал этажом ниже и стал писать унылые передовицы о канализационной системе города и сокращениях на железной дороге.

На торцевой стене висела репродукция портрета Лидера Партии. На противоположной стороне красовался покрытый пылью диплом в рамке за участие в национальном состязании по спортивной ходьбе. Под дипломом, на книжной полке, стоял семейный справочник 1928 года, купленный у обанкротившегося книготорговца, а также четыре первых тома какой-то более современной энциклопедии.

Заведующий редакцией Таге Тропп каждый год заказывал первый том в надежде выиграть все издание целиком. По причине отсутствия мотивации он никогда не возвращал его назад, поэтому наши познания обо всех — от Пера Аабеля¹ до Франца Боппа² — каждый год удваивались.

...Эти прокуренные обшарпанные шестнадцать квадратных метров были моим рабочим местом, и я только укрепился в мысли, что нет ничего то-

¹ Пер Аабель (1902–1999) — норвежский актер, художник, танцор, хореограф.

² Франц Бопп (1791–1867) — немецкий лингвист, основатель сравнительного языкознания.

склинее, чем воскресный вечер в редакции провинциальной газеты. Ничего не происходит после того, как материал перепахан. Все сидят и ждут, пока из принтера с шуршанием вылезут скупые телеграммы от «ТТ»¹, чтобы заполнить оставшееся место.

Кроме всего прочего, и в личном плане я оказался на мели. Приятная встреча в субботу вечером дала отнюдь не самый лучший результат. Строго говоря, мне следовало бы пойти в кабак и утопить обиду в вине, однако этому препятствовала парочка обстоятельств. Во-первых, у меня закончились наличные. Но даже будь у меня деньги, я бы заколебался, учитывая риск столкнуться с ночным редактором Хуго Сундином и наблюдать его красное опухшее лицо с погасшей облюнявленной сигаретой, совершающей вечное вращение между уголками его рта.

Каждый воскресный вечер он сидел за столиком у окна, высматривая собеседника для диалога, который в итоге сводился к долгому монологу. Ибо «жертва» неумолимо втягивалась в одну из двух одинаково неприятных альтернатив: играть одновременно роль исповедника и сточной канавы или же только сточной канавы.

Первая ситуация была связана с «субботними глупостями», как назвал это один литератор. Хуго

¹ ТТ (Tidningarnas Telegrambyrå) — шведское национальное новостное агентство.

был женат на долговязой плоскогрудой горгоне. Но как ни относиться к этой женщине, можно понять ее чувства, когда приходится ложиться в постель с Хуго, не соответствующим даже самым элементарным критериям любовника. Для того чтобы обрести покой на душе и иметь основания отвергать его приставания, она ударилась в пятидесятничество¹.

Хуго решил проблему, договорившись с главным редактором, что будет каждый год отправляться в командировку в Европу — в качестве компенсации за ночную работу. Благочестивый Линд вряд ли ожидал подобных результатов. Его редакция получала лучшие среди всех шведских провинциальных газет репортажи из таких мест, как Нюхавн, Рипербан, Плац Пигаль, и аналогичных кварталов. Само собой, Хуго путешествует один и в первые недели после возвращения бывает со всеми очень любезен. Но вскоре воспоминания блекнут, и снова начинается ворчание.

Для этой цели ему необходим товарищ по воскресному грогу, готовый выслушивать долгие излияния по поводу капризности женщин в том, что касается супружеского долга. Когда же сексуальная часть изложения закончена, Хуго легко принимает на себя роль циника и сплетника. Он перебивает косточки муниципальным депутатам,

¹ Пятидесятничество — одно из направлений протестантизма.

представителям разных религиозных конфессий, трезвенникам, лоттам¹, собратьям по перу, чтобы под конец перебрать все руководство редакции, «этих грибов замшелых», по его яркому образному выражению.

Поначалу слушать подобные рассуждения даже забавно, но со временем начинаешь избегать его приглашений.

Хуго только что пытался пригласить меня составить ему компанию, но я с предельной правдивостью сослался на головную боль и намерение пойти домой. Однако сегодня как раз выпала очередь Бенгта использовать квартиру до одиннадцати, поэтому я остался в редакции.

Полулежа на стуле, я закинул ноги на письменный стол между горами непрочитанных корректур и неотредактированных рукописей, закурил сигарету и оглядел непобедимую команду.

На стопке газетных подшивок у двери восседал редактор семейной хроники Севед Дальстрём, пухлый херувим, который, несмотря на младенческое личико, уже разменял четвертый десяток — он родился в этом городе и, скорее всего, никогда не получит приглашения и сам не пойдет искать места в другой газете. Серое, невзрачное существо, единственной особенностью которого является то, что он — вероятно, единственный во всей Швеции —

¹ Лотты — члены женской общественной организации самообороны (Lottakåren) в Швеции.

запивает селедку сладким ликером. Не спрашивайте меня, почему.

— Ну, — начал я, выплевывая на пол табачную крошку. — Господин редактор уже написал обо всех атмосферных и трогательных похоронах? О счастливых новобрачных, соединивших свои судьбы под марш Мендельсона? О благочестивых городских юбилярах, ушедших на заслуженный отдых после долгих лет безупречной службы? О верных долгу и добросердечных покойниках, которых оплакивает вся округа?

Севед покраснел, а я, вдохновленный успехом, повернулся к редактору спортивных новостей Бёрье Андерссону, рыжему долговязому субъекту в очках и с подбородком в форме галоши. Зануда особо крупного формата, он пишет, как на счетах считает, — сухо, бесцветно и плоско. Любители спорта его высоко ценят.

— Ну, господин редактор спортивных новостей, все ли результаты тщательно занесены во все турнирные таблицы? Ты отметил встречный ветер вдоль стадиона, полностью разрушивший игру для всех команд в зоне распространения нашей газеты? Ты запротоколировал, на какой минуте тяжелый центральный нападающий прорвался сквозь защиту противника и запустил тот мощный мяч в штангу — или же это было попадание в перекладину? Оценил ли объективно стремительного, как лань, бегуна, труженика за средней линией, полузащитника, подчинившего себе воздушное

пространство, гиганта-защитника, не говоря уже о грозном льве на воротах, руки которого словно магнитом притягивают к себе мячи? Тихие попрыгунчики на болотных кочках с картами в руках, гладиаторы на четырехугольном ринге, горы мышц, сражающиеся на ковре, дерзкие викинги на хоккейном льду, охотники погоняться за красным мячиком на полу, джентльмены в белых шортах с ракетками и маленькие няяды в бассейне уже получили достойное место на спортивных страницах?

Бёрье предпринял попытку прервать меня, но я быстро обратился к третьему члену команды, практиканту Курту Торстенссону, принятому на работу по причине родства его дяди с Давидом Линдом. Пройдя практику в редакции, Курт намеревался в дальнейшем поступать на факультет журналистики.

— Молодой друг. Подумай о нас, бедных трудягах, когда, пройдя горнило воспитания характера в институте, посветишь себя статьям о культуре и передовицам. Не забудь этот вечер, когда однажды в будущем, став главным редактором, будешь принимать нас в качестве соискателей на освободившееся место младшего редактора или сотрудника в отдел объявлений. Но, положи руку на сердце, как говорят у нас в прессе, все ли сделано на совесть? Было ли вдохновляющим и интересным собрание «Молодых фермеров», закончившееся посиделками за чашечкой кофе? Принесла ли ярмарка швейного кружка весомые доходы, кото-

рые теперь будут использованы на закупку варезек для населения стран третьего мира? Смог ли клуб «Лайонс» при всем традиционном интересе прессы продолжить свою благотворительную деятельность анонимно? Был ли принят новый устав на квартальном собрании Общества по страхованию рогатого скота? Приготовили ли лотты вкуснейшие бутерброды для соревнований по стрельбе нашего округа?

Я чувствовал себя почти как Хуго Сундин, однако приятно было слить на кого-то свое мрачное настроение. Севед воспользовался паузой.

— А ты-то сам? Агент два нуля без семерки исполнил свою миссию по обзвону должностных лиц?

— Тонкий юмор, делающий честь практиканту в разделе фельетонов, некоронованному мастеру куплетов и острот местного разлива, — ответил я и зааплодировал. — К сожалению, вынужден сообщить, что министр остроумия опоздал на несколько лет со своей остротой. Агенты уже вышли из моды. Однако могу с полным основанием заявить, что задание выполнено. Завтра утром Таге сможет взглянуть своими близорукими глазками на список и увидеть, что звонок в полицию осуществлен. И я должен сказать, что всерьез встревожен преступностью нашего города. На севере — подозрение на управление мопедом в нетрезвом состоянии, на западе — драка в парке между охранником и посетителем, при этом не до конца ясно, кто из них был более нетрезв. На востоке — сатанинские

«мужские разборки» в сарае, в результате которых похищен навесной лодочный мотор. А в бурлящем центре нашего города — срочный выезд скорой помощи. Правда, речь шла всего лишь о прободении аппендицита, но мы знаем, что начальство захочет отметить и этот факт. В рупоре своего города недоумевающие жители получают ответы на все вопросы и удовлетворяют свое любопытство.

За время моих разглагольствований сигарета потухла. Закурив новую, я почувствовал, что мне полегчало.

— Нет, друзья, — продолжал я, выпуская дым кольцами. — Мы можем сидеть и скучать здесь всю ночь, однако следует помнить, что все мы в одной лодке. А эта лодка плавает в мелком пруду. Весь наш город — чертов пруд с кучей уток.

— А, Йоран Скандал опять разошелся?

Никто не заметил, как Хуго Сундин вернулся после своего вечернего грога. Покачиваясь, он медленно вошел в комнату. Сигара совершала путешествие из одного уголка рта в другой, дым от нее смешивался с парами джина. Он ухмыльнулся мне своими желто-коричневыми зубами.

— Пруд с утками? Тебе не нравится у нас, в маленьком городе? Может, соскучился по беспорядкам?

Я услышал за спиной радостное хихиканье остальных. Сам я настойчиво искал убийственную реплику, но так и не нашел.

— И домой ты уйти не можешь, — насмешливо добавил Хуго. — Видать, правду говорят, что у вас

с Бенгтом договоренность — тот, к кому пришла дама, пользуется берлогой на всю катушку?

Я ничего не ответил.

— Наверное, поэтому ты сегодня такой красноречивый!

Злорадству Хуго не было предела. Хихиканье у меня за спиной стало громче.

— Да уж, сексуальность — вообще трудная тема, не так ли? — промямлил я и вывалился в коридор, чтобы натянуть пальто.

Плевать на отсутствие денег. Возможно, в кабаке я встречу кого-нибудь, кто сможет одолжить пятьдесят крон¹. Я ощущал огромную потребность в виски с содовой.

Редакция располагалась на южной стороне Главной площади, кабак — на восточной. Нужно было лишь сделать несколько шагов по булыжной мостовой — и ты оказывался у врат рая. Однако внутри царило настроение не более веселое, чем на баптистских похоронах.

За столиком у окна, поедая свиные отбивные, сидели несколько мужчин — вероятно, пассажиры на пересадке в ожидании поезда. Единственный, в ком я опознал местного, сидел у двери — то был известный всему городу Крунблум. На самом деле его звали Конрад Блум, но кличка намертво прилипла к нему по двум причинам: его когда-то неумеренный интерес к водке «Крунбрэннвин»,

¹ 1 крона = 4 руб.

а также сходство — и внешнее, и по характеру — со знаменитым персонажем комикса¹. Проживал он в маленьком домишке вместе с дочерью, которая, судя по данным из надежных источников, была неотъемлемой частью ночной жизни нашего городка.

Я не раз сталкивался с ним в суде, когда его задерживали за пьянство и по подозрению в самогоноварении. Сегодня он уже запасся крепкими напитками и сидел, напевая что-то себе под нос. Разумеется, он радостно замахал мне, но вряд ли сможет разрешить мои финансовые затруднения.

Сердитый и разочарованный по поводу несостоявшегося виски, я вышел из кабака и поплелся на квартиру в двух кварталах от заведения. Свет в окнах не горел, однако это не означало, что никого нет дома. Возьму на себя смелость утверждать, что скорее наоборот. Бенгт не жег свет понапрасну, когда его навещали дамы.

...Квартира оказалась пуста. На столике рядом с диваном стояла бутылка вина и два бокала. Следы розовой помады на окурках в пепельнице свидетельствовали о том, что к Бенгту вряд ли приходила в гости его бабушка.

Зайдя в кухонный уголок, я нашел относительно чистый бокал, налил в него остатки вина и пригубил. Неплохо. Бенгт разбирается в том, что нравится девушкам. Вроде бы я должен сердиться

¹ «Крунблум» — популярный шведский комикс, созданный Эловом Перссоном в 1927 году.